

УДК 398.2

**ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ АВТОРСКОЙ ИЗУСТНОЙ ПОЭЗИИ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
NATURE AND CONTENT OF AUTHOR ORAL POETRY OF THE
TURKIC PEOPLES**

М. Х. ИДЕЛЬБАЕВ*

Резюме

Авторская изустная поэзия, как уникальное явление в художественной словесности, имела место в истории культуры многих народов мира. В ней непревзойденные мастера поэтического слова слагали свои сочинения, как правило, путем импровизации перед публикой и выражали в них личное мировоззрение и этическую оценку действительности. Особенно широко было развито изустное профессиональное творчество среди тюркских народов (азаны древних турок; ашуги азербайджанцев; кедаи ногайцев; олонхосуты якутов; ашики, бахши, шаиры, манассы узбеков, туркменов и киргиз; олонхосуты якутов; баксы, йырау, акыны и сэсэнны казахов и башкиры и др.). Авторы изустной поэзии художественное творчество сочетали с большой общественной деятельностью. Они пользовались в народе непререкаемым авторитетом у масс, смело вмешивались в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях повлияли на них своими мудрыми советами, являлись прекрасными знатоками народных эпических повествований, знаменательных исторических событий, родословий высокопоставленных лиц и, соответственно, использовали их в своих выступлениях и импровизациях. Характерная особенность творчества изустных сочинителей – затрагивать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания перед народом.

Ключевые слова: Импровизация, йырау, баксы, сэсэн, изустная поэзия.

Summary

As a unique phenomenon in art literature, author orally poetry took place in the cultural history of many nations of the world. The masters of poetic words composed his works, in orally poetry usually by improvisation to the public and expressed their personal opinion and ethical evaluation of reality. Orally professional creativity were developed widely among the Turkic people (azans of ancient Turks, Azeris's ashigs; Nogai's redai; olonkhosut of Yakuts; ashik, bakhshi, shair, manasse of, Uzbeks, Turkmens and kirghiz; olonkhosut Yakuts, Bucks, yirau, akin, and sesen of Kazakhs and Bashkir et al.). The Author's orally poetry combined artistic creativity with a great social activity. They

---

* Доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, Уфа-Башкортостан. E-mail: miraside@mail.ru
Professor, Doctor of philology, State University of Baskir, Ufa-Bashkortostan. E-mail: miraside@mail.ru

were used the of the unquestioned authority by people among the masses, they were interfered in the activities of chiefs and leaders, they were influenced them by wise advices, I they were a great connoisseur of folk epic narratives, significant historical events, genealogies of dignitaries and, accordingly, they were used it in their performances and improvisations. The characteristic feature of creativity orally writers is to affect the most pressing problems of that relevant to the society at the time when was there a public statement to the people.

Keywords: Improvisation, Iyrau, Bucks, Sesen, orally poetry.

В истории культуры многих народов мира наблюдалось уникальное явление, называемое авторской изустной литературой, которое наряду с фольклором и письменной литературой, представляло из себя отдельный вид словесного искусства. Она сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическое оценку действительности. О присутствии в китайской, индийской, персидской, арабской, западноевропейских, скандинавских литературах в определенных исторических этапах изустного авторского творчества отмечалось еще в исследованиях XIX в. Изустная литература как словесное искусство индивидуального характера сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности. Изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность - к письменной литературе. У тюркских народов изустные профессиональные творцы с широким диапазоном назывались по-разному: азан (древние турки), кедай (ногайцы), олонхосут (якуты), ашуг (азербайджанцы), ашик, бахши, баксы, шаир, манассы (узбеки, туркмены, киргизы), йырау, акын, сэсэн (казахи, бапширы).

На всех этапах развития авторской изустной литературы заметное место занимает восхваление, воспевание кого- или чего-либо: божественные силы, святых духов, правителей, вождей, военачальников, батыров, победоносные походы, высокую мораль. Сочинители, как правило, были прекрасными знатоками религиозных и светских легенд и преданий, знаменательных исторических событий, родословной высокопоставленных лиц, использовали их в публичных выступлениях или в создании больших эпических произведений. Изустные творцы всегда находились в гуще общественно-политических событий, пользовались всеобщим уважением масс, смело вмешивались в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях повлияли на них своими мудрыми советами. Характерная особенность творчества изустных сочинителей –

затрагивать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания. Жгучие общественно-политические проблемы рождали широкий круг тематики и комплекс жанров от героических и социально-бытовых эпосов до исторических, лирических, афористических песен, гимнов.

Аналогичные обстоятельства были присущи для большинства тюрко-язычных народов, и функционирование изустной литературы исчисляется у них несколькими столетиями. За это время в сокровищницу мировой словесности влилось значительное количество памятников изустной поэзии ряда тюркских народов, возникших на традициях общетюркской эпохи словесности. Имеется в виду творчество ярких представителей изустной поэзии: турецкой – Юнуса Амре (XIII – XIV вв.), Пир Солтан Абдаля (XVI в.) и современных ашиков; азербайджанской – Гурбани, Ашуг-Аббаса, Сары-Ашуга, Ашуг-Валеха (XV – XVI вв.) и плеяды прославленных ашугов XIX – XX вв.; туркменской – шаирав Байрам-хана, Караджа-оглана, Бархудар Туркмена, бахшы Андалиба, Шабенде, Шайдана, Гурбанлы, Магрупи (XVI – XVIII вв.); киргизской – знаменитых манассы Сагинбая Оразбекова и Саякбая Каралаева и их учеников (XIX – XX вв.); казахской – прославленных когорты йырау XIV – XVI вв. и самобытных акынов Досмамбета, Бухара, Умбетая, Тати-Каре, Шала, Кутуша, Коблана, Жанкиси, Махамбета (XVII – XIX вв.). Общими, объединяющими началами в их импровизациях выступают созвучность идейно-тематических направлений, сходство жанров и жанровых форм, единство формообразующих показателей. И еще – сочинения изустных авторов принципиально отличались от фольклорных памятников, которыми был неизмеримо богат каждый из упомянутых регионов. Между мастерами изустного слова разных поколений – наставниками и их учениками – установились многовековые традиции взаимоотношений. Профессиональные творцы новых поколений относились к импровизациям своих старших коллег как к некоему святому, ни в коем случае не осмеливались вносить в них существенные изменения. "Их "вмешательство" в текст своих предшественников, – как отмечал Х. Г. Короглы, – было не более чем "вмешательство" переписчиков рукописей поэтов-классиков" [5, 480]. В то же время складывались разные типы носителей изустной литературы, между которыми наблюдалось четкое негласное распределение обязанностей. Одни видели свое предназначение в доведении до публики больших готовых текстов, для чего необходимо

было обладать незаурядной памятью, ораторским голосом, организаторскими способностями, искусством привлечения к себе внимания огромной аудитории. Именно таким профессиональным сказителям обязаны мы сегодня наличием в фольклорном репертуаре тюркских народов когда-то авторских, ныне фольклорных шедевров, как "Манас", "Урал батыр", «Кобланды» "Кер оглы", "Алпамыша" и др. и бесчисленного множества изустных поэтических текстов. Для второй группы мастеров импровизаторская деятельность была не главным, но важным занятием. Они отлично знали давние традиции изустного профессионального творчества, художественные тексты, "поэтические клише" ("общие места"), иногда импровизировали сами, но предпочитали исполнительскую миссию: доводили до масс сочинения ушедших из жизни мастеров, а также своих современников – незаурядных авторов изустной поэзии. Третья группа - это в полном смысле слова профессиональные импровизаторы, сочинители самых первых вариантов – "оригиналов" изустных произведений. Безусловно, они непременно выступали перед народом, обладали всеми качествами сказителей, так как устное слово было для них единственным и естественным средством доведения своих творений до предназначенного адресата. Импровизация – не обязательно моментальное сочинение при прямом выступлении перед публикой. Профессиональный импровизатор – большая творческая личность, постоянно занятый проблемами своего времени. О публичном выступлении он, безусловно, заботится заранее; и многие, наиболее важные его мысли в виде готовых поэтических строк могли рождаться раньше, до общения с аудиторией. Но это не исключало активного творческого процесса при выступлении: в зависимости от контингента слушателей, их настроения, расположенности, места, времени и обстоятельств произнесенной речи, что-то добавлялось, убиралось, подчеркивалось – иначе не было бы настоящей импровизации.

Отпечатки устной словесности находятся еще в самых ранних тюркских рунических памятниках (VI – X вв.). И. В. Стеблева пишет об орхонских надписях: "В текстах памятников легко обнаруживаются следы влияния дружинного эпоса, складывавшегося в окружении предводителя войск" [4, 197–198]. В Большой надписи Кюль-тегина мать правителя сравнивается с птицей Хумай, олицетворяющей в древнетюркской мифологии богиню земного начала и плодородия. Этот образ в том же значении занял место в фольклоре тюркских народов, в том числе – в древнем башкирском эпосе "Урал батыр".

Большая и Малая надписи Кюль-тегина привлекают внимание еще и тем, что его слова высечены мастерами по *устной* диктовке автора Йольг-тегина, родного брата героя этих двух текстов. В изустных традициях созданы также памятники рунического и уйгурского письма VIII -- X вв. "Книга гаданий ("Бүрк битиг") и "Легенда о принце и тигре". А легендарный Коркут - "аксакал, мудрый патриарх, вещий певец и прорицатель" [3, 532], является, пожалуй, первым ныне известным представителем изустной литературы тюрков. Легенды и предания, эпические сюжеты под его авторством стали появляться у огузских тюрков в VI–XI вв. и записывались примерно в середине второго тысячелетия; то есть в течение пяти-восьми столетий они бытовали под его легендарным авторством в изустной среде. В конце каждого из 12-ти сюжетов, изданных в настоящее время, от имени Коркута благословляется изустное их распространение словами типа: "Пришел дед мой Коркут, сложил песнь, сказал он... после меня пусть переймут и рассказывают ее певцы" [6, 63]. В памятнике находим емкую характеристику изустного певца ("С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто не годеи, знает певец..." [6, 12-13]), очень созвучную словам, какими обрисовывали башкирские сээны своих коллег ("[Он] не защитник плохих деяний, не церемонится с врагом, любит справедливость, поет о нуждах страны"). Сюжеты, приписываемые Коркуту, легенды и предания о нем самом в настоящее время встречаются у многих тюркских народов, в том числе и у башкир. Созданное в XII -- XIII вв. в Фергане поэтическое сочинение Ахмета Югнаки "Хибат аль-хакаик" ("Подарок истин") полностью можно назвать изустным. Во-первых, автор, как и античный поэт Гомер, с рождения был незрячим и мог творить его только по памяти. Во-вторых, будучи представителем формирующейся в средневековой тюркской среде литературы суфийского направления, он адресовал свое произведение к народным массам - к простому неграмотному слушателю. В колофоне памятника автор сам высказался о его изустном характере ("*Әйтмеш* әдиб диккәти тел белә, әгәр белсә Кашғар тели, һәр кеше беләр ул әдибнең *Әйт(м)еше*" - "*Высказал* [это все] поэт по всем изяществом языка, если кто знает кашгарский язык, то он будет знать все, что *сказано*" [7, 199, 319 – 321 курсив наш]). Таким образом, авторские изустные памятники в древней и средневековой общетюркской литературе бытовали наряду с письменными. А далее, на их традициях изустная поэзия долго и устойчиво функционировала в большинстве

литератур тюркских народов. На наш взгляд, причины ее особой живучести в тюркском мире необходимо искать в следующих обстоятельствах. 1) Словесное искусство, как известно, может служить мощным идеологическим оружием правящих классов. В зависимости от изменения соотношений социальных сил в обществе, меняются и формы бытования словесности как средства идеологии. Процесс классовой дифференциации у тюрков, в силу ряда объективных исторических обстоятельств, протекал медленно и затянулся на несколько столетий. 2) Основным способом производства служило у них скотоводство, которое, по замечанию Л. Н. Гумилева, "является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию" [2, 4]. Оно также по своему повлияло на замедленный ход социальной дифференциации, более мирное взаимоотношение между различными социальными силами, во всяком случае не допускало рабовладательства и крепостничества среди соплеменников. 3) Скотоводство само по себе создавало благоприятные условия для процветания изустного поэтического слова, рождения его новых жанров. Достаточно вспомнить появление античных буколики, идиллии, эклоги, средневековую французскую пастораль и др., появление которых было связано с природой. 4) Как ни парадоксально, сама письменная литература у тюрков, в отличие от другой аналогичной среды, содействовала параллельному устойчивому бытованию изустной. Дело в том, что письменные художественные памятники на тюрки обычно создавались на недоступном даже для более или менее грамотного слоя населения языке, с обильно заимствованными арабизмами и фарсизмами. Такая литература удовлетворяла потребности лишь высокообразованной части общества. А остальное большинство выдвигало из своих рядов незаурядных мастеров изустного слова, которые творили на живом разговорном языке. Они зачастую и книжные сюжеты письменников переложили на народный язык. Перечисленные обстоятельства были характерны для большинства тюркоязычных народов, и функционирование изустной литературы исчисляется у них несколькими столетиями.

Несколько слов о башкирской авторской изустной поэзии, которая в течение столетий развивалась по единым канонам тюркской словесности.

Многовековая башкирская авторская изустная поэзия по характеру и содержанию деятельности мастеров слова делится на несколько этапов.

Первый этап башкирской авторской изустности – условный, связанный с происхождением различных обрядов и ритуалов; охватывает период, начиная с глубокой древности до XIV в. новой эры (до начала эпохи йырау); импровизаторов данного этапа народ называл «хынсы», позднее «баксы»; их сочинения, естественно, давно фольклоризованы. Тем не менее, сохранившийся до наших дней богатейший репертуар обрядового фольклора позволяет нам предположительно вести речь о профессиональных сочинителях, использующих магическую силу слова в своей разносторонней деятельности. Баксы, видимо, заметно выделялись среди основной массы, пользовались непререкаемым авторитетом. Их творческая деятельность имела синкретический характер и разделялась на несколько профессий: пророк, знахарь, колдун, вещун, заклинатель, певец. Башкирский обрядовый фольклор сохранил до наших дней даже имена некоторых из них. В заклинаниях, например, наряду с легендарным Коркутом, упоминаются имена Тулька, Кармкыт, Тулпы, Сукак, Кузкорт. Все же баксы, как сочинитель, был более склонен к использованию слова в художественных целях. В настоящее время значение слова "баксы" ("бахшы", "бахши") в тюркских языках толкуется по-разному: "у узбеков слово "бахши" одновременно означает и сказителя эпоса, и лекаря-шамана, так как в прошлом эти профессии иногда совмещались; у туркмен "бахшы" – только народный певец; у казахов "баксы" – только лекарь-шаман" [3, 29]. У башкир "баксы" сейчас употребляется лишь в первоначальном значении, подразумевающим древнего изустного мастера слова с разносторонними способностями ("баксы", "бағымсы" – прорицатель, знахарь, ворожея, гадалка).

Второй этап – эпоха йырау, которую пережили близкородственные тюркские народы – казахи, ногаи, каракалпаки, башкиры, из которой до нас дошли имена и некоторые импровизации Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана, Шалгииза. Их жизнь и творчество приходится на XIV – XVI столетия. Однако слово "йырау" в тюркских письменных источниках в значении изустного поэтического творца упоминается гораздо раньше. В частности, в памятнике "Диван лугат ит-тюрк" М.Кашгари (1073 – 1074) оно истолковано как "игрок на музыкальном инструменте", "певец" [9, 460]. Это значит, что задолго до эпохи йырау изустные певцы в тюркском мире освободились от своих синкретических обязанностей. Причем, слово "йырау" свое

основное значение (у башкир – “народный певец”) сохранило в течение тысячелетия. То же самое толкование находим у В. В. Радлова: "певец (der Singer, Troubadour)" [10, 515]. Творчество йырау XIV – XVI вв. характеризуется тем, что оно было общим достоянием башкир, казахов, каракалпаков и ногайцев. “Значит, будет правильным, – отметил по этому поводу каракалпакский исследователь К. Мамбетов, – если йырау данной эпохи (XIV–XVI вв. – М.И.) называть казахскими, каракалпакскими, башкирскими поэтами” [8, 106]. В отличие от баксы, основной профессией йырау осталось песенно-поэтическое творчество, а их роль в жизни общества еще более повысилась. В импровизациях йырау поднимались вопросы, выражающие нужды и чаяния общества. Сами они не засиживались в одном месте, а странствовали по всем названным регионам, знали общие проблемы соседствующих родственных народов и затрагивали их в своем творчестве.

Третий этап, эпоха сээнов, по историческим условиям резко отличается от двух предыдущих; он приходится на российский период башкирской литературы. В тюркском мире "сээном" называют лишь башкирских мастеров изустного слова, однако это слово в родственных звучаниях встречается и у других, даже не обязательно тюркских, народов: у бурят - "чечен", у узбеков - "чечан", у казахов - "шешен", у каракалпаков - "шишин", у татар - "чичэн", у монголов - "сэчен", "цицен", у китайцев - "шенжень" и др. Во всех перечисленных случаях он эквивалентен значениям "мудрец", "творец", "остроумный", "импровизатор". Вероятнее всего, близкие соседи башкир – казахи, узбеки, каракалпаки, татары – имели в виду здесь истинного сээна, т.е. выходца из башкир. В самой башкирской среде "сэсэн" считается словом древнего происхождения, оно бытовало параллельно с "йырау" и, вполне возможно, восходит ко временам тюркского каганата и имеет отношение к китайскому, монгольскому языкам. Казахский исследователь Ч. Валиханов в XIX в., опираясь на книгу "Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses" ("История Восточных монголов и их династии", – СПб., 1829), заметил: "Чечен, или Сечен, значит мудрый... Слово это древнемонгольское и имело такое значение: один из предков Чингисхана, известный у восточных [писателей] под именем... (многоточие автора – М.И.) назван у Санан Сецена Пибибагай-Сецен" [1, 260, 371]. В настоящее время данное слово в башкирском языке имеет несколько значений: 1) человек, способный к образному, остроумному мышлению; 2) носитель репертуара фольклора и изустной литературы, сказитель; 3)

профессиональный импровизатор, творец авторской изустной поэзии. Но, поскольку неумолимое время неравномерно сохранило имена и поэтическое наследие последних, то профессионалов с этой позиции можно в свою очередь разделить на три группы. Первая – это те, кто жили и творили до XIV в. и исторически первыми удостоивались почетного прозвища "сэсэн", их имена забыты, импровизации давно стали фольклорными. А те, имена которых известны, но при этом ни одной строчки их импровизаций не дошло до нас, относятся ко второй группе: Катай Гали сэсэн, Ихсан сэсэн, Турумтай сэсэн, Суюндук сэсэн, Кильдыш сэсэн, Еммет сэсэн, Каракай сэсэн, Яхъя сэсэн и др. По шежере, документам и фольклорным источникам известно, что они, как и другие их соратники по творчеству, принимали самое активное участие в общественно-политической жизни, пользовались всеобщим уважением масс. Третью группу представляют уже именитые в башкирской авторской изустной поэзии фигуры Еренсе, Кубагуш, Акмурза, Карас, Байык, Махмут, Буранбай, Ишмухамет Мурзакаев, Габит Аргынбаев, Мухамметша Бурангулов (XVI в. – первая половина XX в.).

Таким образом, авторская изустная поэзия – явление уникальное в художественной словесности народов мира, а в литературе тюркских народов в течение нескольких столетий занимала особое место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиханов Ч. *Избранные произведения* /Вступительная статья А. Х. Маргулана. – М.: Наука, 1986. – 414 с.
2. Гумилев Л.Н. *Древние тюрки*. – М.: Клишников- Комаров и К, 1993. – 528 с.
3. Жирмунский В. В. *Тюркский героический эпос*. -- Л.: Наука, Ленингр. отд., 1974–728 с.
4. *История Всемирной литературы*: в девяти томах. Т. 2. -- М.: Наука, 1984. – 672 с.
5. *История Всемирной литературы*: в девяти томах. Т. 5. -- М.: Наука, 1988. –784 с.
6. *Книга моего деда Коржута*: Огузский героический эпос /Перевод В. В. Бартольда. – М.-Л.: Изд АН СССР, 1962. – 300 с.
7. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности*. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1951 – 451 с.
8. Мамбетов К. *Пути формирования древней каракалпакской литературы*. – Нукус: Каракалпакстан, 1976. – 202 с.
9. Махмуд ал-Кашгари. *Диван луга тат-турк* /Перевод, предисловие и комментарии З.-А.- М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
10. Радлов В. В. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 3, ч. 3. – Спб., 1905. – 1260 с.